

Сергей Красильников

Дано иное?*

Sergey Krasilnikov

(Institute of History, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)

Is something else given?

DOI: 10.31857/S0869568722010241

Известным российским историком М.А. Фельдманом выпущен значимый труд, выросший из многолетней работы над проблематикой взаимоотношений в системе «власть—общество» в раннесоветский период¹, хронологически очерченный временем между окончанием острой фазы Гражданской войны и переходом политического режима в сталинскую фазу своего существования. Проблемное поле обозначено автором как взаимоотношения институтов власти с социально-профессиональными группами. В данном случае это рабочие и научная интеллигенция — экономисты, специалисты в сфере методологии и практики планирования. Конструкция, положенная в основу исследования, представляется оптимальной, поскольку охватывает связи внутри указанного

«треугольника», имевшего принципиальный характер для определения реального состояния страны и перспектив выхода из экстремальной полосы войн и революций (1914—1921).

Монография реализована как полидисциплинарная. Основа её — социальная история, соединяемая с приёмами из арсенала пограничных дисциплин — политической, экономической, интеллектуальной, культурной истории. Получился интересный и перспективный многоаспектный сплав (партэлита с её обликом и трансформациями представляет в нём социально-политический аспект; научная элита — культурно-деятельностный; рабочие — социально-экономический и социокультурный).

Сильная сторона проведённого Фельдманом анализа процессов

* *Фельдман М.А.* Власть, учёные, рабочие СССР в годы нэпа: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург: Редакционно-издательский отдел Уральского института управления — филиала РАНХиГС, 2020. 400 с.

1920-х гг. состоит в глубоком и комплексном освоении данной «триады». В мастерски выполненном историографическом разделе книги (библиография насчитывает около 200 наименований) автор обосновывает тезис о том, что, несмотря на кажущееся обилие исследовательской литературы, рассмотрение феномена нэпа недалеко ушло от сложившейся ещё в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. традиции: обсуждения потенциала этого курса с точки зрения сторонников его «обречённости» или, напротив, перспективности. Причём в новейшей литературе доминирует и всё более «цементируется» мнение о неизбежности и предопределённости утверждения модели сверхцентрализованной экономики (с. 65), что, по мнению автора, создаёт барьер для более объективного рассмотрения противоречий и конфликтов 1920-х гг. и опыта их преодоления (с. 56). Исходя из этого, Фельдман определил цель исследования как «выявление возможности реализации варианта развития советского общества на основе многоукладной экономики (нэповской). Того варианта, который может быть рассмотрен как альтернативный сталинскому. Названный В.П. Даниловым в самом начале постсоветского периода “особой концепцией социалистического строительства”, спустя четверть века — он может быть охарактеризован как путь создания развитой индустриальной экономики с чертами социального государства» (с. 13).

Следует отметить, что автор чётко обозначил свою методологическую и исследовательскую позицию в длительном споре историков и экономистов о векторе общественного движения страны: на основе этатизации экономики и других сфер жизни общества или же на основе многоукладности — экономической, социальной, культурной. Фельдман — последовательный

сторонник сложившегося в 1990-е гг. изучения альтернатив авторитарной/тоталитарной системе, их «точек роста» не только в социуме, но и внутри самих институтов власти². Именно таков творческий замысел данной книги: расширенный поиск и анализ возможностей согласования интересов институтов власти и групп общества, обеспечивающих функционирование государства и жизнедеятельность населения. При этом автор солидарен с исследователями, считающими, что в сфере социально-политического взаимодействия времён нэпа недоставало устойчивых и воспроизводившихся механизмов и практик согласования целей и интересов управленцев (в том числе и внутри собственной корпорации) с интересами и потребностями базовых общностей (рабочих, крестьянства, средних слоёв)³.

Между тем реалии 1930-х гг. свидетельствуют о сохранении — хотя и в деформированном виде — разнородности (возможен и такой термин), ярко выраженной десятилетием ранее. Причём сама власть в ходе процесса огосударствления, создавая новые технико-экономические уклады, достаточно последовательно эксплуатировала ресурсы прежних, даже докапиталистических, систем (пример тому — экономика ГУЛАГа). Здесь, скорее, стоит вопрос определения пределов этатизации, с переходом которых управленческая система испытывала перегрузки и искала выходы из них, используя пути, методы и технологии согласования своих интересов с потребностями самодельного населения (хотя, как правило, руководствуясь не сколько-нибудь далеко идущим, а прагматическим интересом — «выскочить» из очередного кризиса).

Фельдман предлагает путь реконструкции событий и процессов 1920-х гг. на основе анализа поведения трёх субъектов действий: управленческая элита,

рабочий социум, научно-техническая интеллигенция. Соответственно, рассмотрены в процессе взаимоотношений три разновидности активизма — политический, рабочий, интеллектуальный. При этом автору удалось сбалансированно соединить информацию, содержащуюся в материалах центральных и региональных архивов. Глубокое исследование Уральского региона аккуратно вписано в общесоюзную картину событий и процессов 1920-х гг. Вышеназванные региональные акторы не выглядят статистами и объектами директивного воздействия центра, напротив, выявлена субъектность каждого из них, их мнение о реалистичности установок и указаний центральных органов.

Сама работа по форме носит, скорее, очерковый характер. Каждая из шести глав представляет собой законченный сюжет, однако при этом сохраняется единый стержень исследования. Динамика процессов и событий рассматривается сквозь сосуществование и противоборство двух векторов развития партийного государства и его социально-экономической политики — рационального, связанного с индустриализмом, ориентированного на научно-технический прогресс, и утопического, рождённого доктринами и мифами (с. 355).

Ключевым понятием работы предстаёт «взаимоотношение». Оно имеет важное значение в авторской концепции, основанной на том, что позиции обозначенных субъектов не строились лишь по принципу вертикальной подчинённости. Напротив, каждый из них имел свои интересы и возможности влияния на процесс выработки и принятия директивных решений. Потенциал договороспособности между партийными, научно-техническими и рабочими кадрами даже сохранялся, несмотря на то что масштабы «обратной связи» после 1928 г. значительно сузились. Здесь отмечу, что, возможно, следовало бы использовать

в исследовании более поддающееся операционализации при исследовании реалий 1920-х гг. понятие «взаимодействие». В классической социологии оно применяется в качестве базового подхода при исследовании процессов «социального действия» (принципы которого разработаны М. Вебером и Т. Парсонсом). В социологической теории социальные взаимоотношения формируются на основе социальных взаимодействий. При этом взаимоотношения носят, скорее, нормативный характер, а взаимодействия — более динамичный, подвижный, и влияют на формы взаимоотношений.

Возвращаясь к центральной идее книги — реабилитации возможности развития раннесоветского общества по пути многоукладной экономики — отмечу, что автор внёс в проблематику важный вклад с точки зрения переосмысления взглядов и позиций как действующих лиц эпохи, так и её исследователей. Жанр книги, заданный не как узко-тематический, а, скорее, как критический по отношению к историческому опыту раннесоветского общества, выдержан в корректном, научном формате. Тем не менее работа даёт импульс дискуссиям, проверке высказанных в ней суждений и оценок. Среди них мне кажется особенно важным и значимым обсуждение природы и динамики легитимности большевистского режима после окончания Гражданской войны (не самолегитимности, а признания власти, принятия её целей и способов действия, согласия с ними и участия в их реализации базовыми слоями отечественного социума). Представляется, что именно здесь кроется основной, системный кризис изучаемой эпохи. Экономические, социальные и политические проблемы имели одну общую основу — уровень доверия населения к власти, её способности выполнять взятые на себя функции социально-

го государства. Фундаментальное основание для этого — формирование устойчивого взаимодействия власти с обществом на правовых принципах. Основу для него должны были создать принятые в 1922–1924 гг. кодексы (гражданский, трудовой, земельный, уголовный и др.). Ускоренная «порча кодексов», начавшаяся в конце 1920-х гг., явилась важнейшим индикатором трансформации приоритетов власти в направлении утверждения самодовлеющего этатрического режима.

Крайне важна для закрепления авторской концепции идея о том, что даже в своём деформированном виде сохраняли актуальность разработанные учёными Госплана показатели первой пятилетки (отправной вариант) (с. 352), а некоторые её итоги оказались ближе всего к «минималистскому» варианту, предложенному специалистами. Фельдман отмечает, что среди запланированных источников дохода значительная роль отводилась налогам и займам, причём треть таких планировалось привлечь из негосударственных секторов экономики. Безусловно, это требовало сохранения базы налогоплательщиков и, соответственно, многоукладной экономики и самостоятельных производителей (с. 368). Но именно такой путь позволял избежать гибели миллионов людей, утраты материальных ресурсов трудового населения (с. 347). Будучи сторонником «возможности создания индустриального общества на основе среднеразвитой многоукладной экономики» (с. 383), автор убеждён в необходимости продолжать исследования в данной области, привлекая возможности контрфактического моделирования.

Монография М.А. Фельдмана — нечастый в современной историографии случай последовательного многолетнего поиска ответов на вопросы об альтернативности путей общественно-

го развития нашей страны после эпохи войн и революций, размышлений над невыученными уроками исторического процесса. И здесь главный вопрос — о приоритетах. Что важнее: умножение человеческого капитала или мощи государства? Человек, общество — самоценны или они лишь ресурс для власти?

Одна из центральных глав книги, посвящённая деятельности учёных-экономистов 1920-х гг., разрабатывавших методологию и практику перспективного планирования народного хозяйства на основе смешанной экономики и отстаивавших эти принципы перед партийным руководством, названа автором «Для профессионалов не бывает плохого времени». Это в полной мере может быть отнесено и к нему лично.

Примечания

¹ См.: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих России и СССР. 1900–1941 гг. М., 2009; *Поршнева О.С., Фельдман М.А.* Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2013; *Фельдман М.А.* Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г. сравнительный анализ // *Российская история.* 2009. № 6. С. 79–93; *Фельдман М.А.* Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. // *Вопросы истории.* 2016. № 12. С. 29–39; *Фельдман М.А.* Кем была одержана победа? К вопросу о результатах дискуссии на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // *Россия и современный мир.* 2018. № 4. С. 169–184; *Фельдман М.А.* Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // *Социологические исследования.* 2020. № 6. С. 93–102; *Фельдман М.А.* Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? // *ЭКО.* 2021. № 3. С. 59–80.

² См.: *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX в. Избранные труды. В 2 ч. Ч. 2. М., 2011. С. 125–151.

³ Современные концепции аграрного развития // *Отечественная история.* 1994. № 4–5. С. 64.